

ПРОСТЫЕ СЛОЖНЫЕ ИСТОРИИ

Показали в Москве артисты театра «Габима»

Майя Фолкинштейн

Гастроли состоялись во второй половине апреля при содействии Министерства иностранных дел Израиля, Посольства государства Израиль в Российской Федерации, Израильского культурного центра, Фонда «Генезис» и Российского еврейского конгресса. Посвящены они были семидесятой годовщине основания Израиля и вековому юбилею самой «Габимы» — национального израильского театра, одной из главных гуманитарных ценностей этой маленькой, но сильной духом страны.

Была и еще одна значимая «круглая дата» — ровно девяносто лет назад «Габима» (что в переводе означает «сцена»), в 1928-м, обрел постоянную «прописку» в тогдашней Палестине, став первым репертуарным те-

атром Израиля задолго до обретения им официальной независимости.

Словом, нашлось достаточно поводов для очередного приезда «Габимы» в Москву, на свою историческую Родину, где в 1917 году по поддержанной Константином Сергеевичем Станиславским инициативе актера и режиссера Наума Лазаревича Цемаха, собственно, театр и родился.

Было это на Арбате. И естественно, что именно Театр имени Евгения Вахтангова принимал (между прочим, как указано в пресс-релизе, впервые в своей летописи) израильских артистов, которым наверняка в вахтанговских стенах было комфортно, словно они находились не в гостях, а дома.

«Дорожные знаки»

«Простая история»

Все-таки, как известно, у истоков «Габимы» стоял сам Евгений Багратионович Вахтангов, автор спектакля «Гадибук» по пьесе С. Ан-ского, «трагического шедевра», легенды знаменитого на весь мир театра, которому сегодня вахтанговцы предоставили две свои ведущие сценические площадки — Основную и Новую.

На Основной были показаны «Дорожные знаки» Орена Якоби и Гиоры Яхалом в режиссуре художественного руководителя театра Моше Кептена. На Новой — «Простая история» по роману лауреата нобелевской премии Шмуэля Йосефа Агнона в постановке Шира Голдберга.

Оба спектакля (кстати, появившиеся в афише «Габимы» совсем недавно: «Дорожные знаки» — в сентябре 2017-го, «Простая история» — в апреле 2016-го) игрались на иврите (с субтитрами). И это позволило залу ощутить своеобразие данного языка, чье непривычное

уху российского зрителя, почти экзотическое, какое-то «гортанное» звучание придало происходившим событиям необычный, не бытовой оттенок.

Впрочем, думается, что это было заранее обусловлено самими сюжетами настоящих спектаклей, которые, несмотря на хронологическую удаленность (особенно «Простой истории») от наших дней, внешнюю неприятельность, воспринимались органично и отнюдь не однозначно.

Так «Дорожные знаки» были основаны на фактах биографии Наоми Шемер (1930–2004) — композитора, поэта, яркой творческой личности, мыслившей зачастую иными, не земными категориями, да и само название спектакля показалось символичным: с «дорогой» ассоциировалась незаурядная судьба героини, со «знаками» — ее определенные этапы, требующие остановки и осмысления прожитого. А «Простая история»,

затрагивавшая череду, в общем-то, обиденных ситуаций в действительности, уводила нас в таинственный мир непроявленных в полной мере человеческих чувств и фатальных совпадений.

К тому же в «Дорожных знаках» нам было и вовсе предложено вместе с участниками спектакля «перемещаться» из одного временного пласта в другой, так как большинство фрагментов спектакля представляли собой воспоминания Наоми, предпринимавшей «экскурсы» в прошлое. В свои, если можно так выразиться, три возраста.

То есть в прошедшую в кибуце «Кинерет» юность, в пришедшую на годы учебы в музыкальной академии молодость, в зрелость с выпавшим на этот период профессиональным становлением (все это нашло должное отражение в придуманном Шани Туром оформлении, центральными деталями которого стали элементы природы кибуца и большой концертный роуль). Совершали это виртуальное «путешествие» актрисы Хила Шалаеф (Наоми, 20 лет), Ревитал Зальстман (Наоми, 40 лет) и Дафна Декель (Наоми, 50 лет). И они смогли в соответствии с заданным Моше Кептеном условным стилем, буквально «пропитанным» музыкой (самой Наоми Шемер и Йоси Бен Муна) спектакля, благодаря богатому драматическому арсеналу и профессиональным вокальным навыкам передать соответствовавшие каждому периоду душевные состояния Наоми. Ее веру в свое призвание, неизбежные разочарования, желание найти женское счастье, стремление не изменять своим политическим убеждениям.

Но наиболее сильное впечатление произвела Сандра Саде, на долю которой выпала нелегкая задача — создать образ Наоми 70-летней. И она сделала это мастерски: в меру эмоционально, благородно и очень лично. По ярко выраженной сердечной интонации, отличавшей ее «партию», стоило предположить, что актрисе не безразлична доминирующая в спектакле тема необходимости честного разговора человека с собой. И — важности признания своего несовершенства даже самым большим талантом. В случае Наоми Шемер — это согласие с наличием элементов заимствования для мелодии наиболее известной ее песни «Золотой Иерусалим» у народных напевов басков.

Пример Наоми — редкость не только среди людей искусства. А вообще — редкость. Особенно сейчас, когда само понятие не больной, но просто совести, увы, не в чести.

Равно как и чуткость, умение внимательно прислушиваться к потребностям того, кто находится рядом, иные раритетные качества, которых, увы, не хватило родителям Мины Цимлих (Хила Шалев) и Гиршлу Гурвица (Шеффи Марциано) из «Простой истории», вынужденных против своей воли вступить в не освященный и малейшей симпатией друг к другу семейный союз, что не принесло ничего хорошего. И не од-

ним лишь Мине и Гиршлу, а еще и служанке в доме семьи Гурвиц, Блюме (Дана Ядлин), чья тяга к Гиршлу была взаимна.

Но «Простая история» (хотя режиссер Шир Голдберг и попытался при помощи ряда предложенных Офрой Конфино костюмов и деталей реквизита придать ей некоторую универсальность, все же отсылавшая нас к началу двадцатого века, в вымышленный автором городок Шибуш) — не типичная мелодрама. Из-за налета мистики, возникавшего тогда, когда в ткань спектакля вторгались материализованные картины мучительных сновидений Гиршлу. И по причине отсутствия сентиментальности.

Ведь серьезные потрясения обернулись для молодых героев спектакля некими жестокими, но, тем не менее, полезными «уроками». Для Мины, прежде всего, — взросления и физического, и морального. Для Гиршлу — осознания необходимости в отличие от его отца — Боруха Меира (Роберто Полак), бороться за свою любовь, за право на самостоятельность, что позволило бы прервать цепь частых в местечковой еврейской среде безлюбных, продиктованных исключительно материальной выгодой браков.

И, похоже, что с этим испытанием персонаж Марциано справился. Подтверждением тому послужил финальный поступок его Гиршлу, твердой рукой закрывшего дверь на ключ перед Цирл — своей деспотичной, властной матерью, которой он явно больше не позволит собой манипулировать.

Но тут происходил интересный смысловой «перевертыш», заставлявший проникнуться сочувствием уже к Цирл. Потому что, судя по ее слезам, была она не такой уж и злодейкой. Скорее — запутавшейся в жизненных критериях, внутренне вовсе не железной женщиной. Способной в результате сильных потрясений что-то в себе изменить (недаром метафорой барьера отчуждения между Гиршлом и Цирл по задумке того же Шани Тура «под занавес» спектакля оказывалась изначально разделявшая сценическое пространство стена, но не каменная, а стеклянная, что указывало на возможность преодоления разногласий).

И в этой готовности публики оправдать Цирл виделась, конечно, немалая заслуга сыгравшей ее Евгении Додиной, сумевшей в характере своей, мягко говоря, не совсем приятной героини найти то, за что ее можно было бы пожалеть.

Приятно, что подобный, человеческий посыл исходил от непосредственной воспитанницы русской театральной школы, приверженцы которой традиционно не отпускают зрителя из зала с неким привкусом горечи в душе.

Сегодня эта готовность подарить нам хотя бы призрачную надежду на лучшее — дорога, как никогда. **ИБ**